

К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье

Резюме. В статье рассматривается проблема определения времени начала раннего железного века в Волго-Камье. Проникновение железных изделий в регион произошло в XII–IX вв. до н. э., но сама технология производства железа проникла сюда из Кавказа во второй половине IX — VII в. до н. э. В этот период в Волго-Камье изменяются материальная культура и погребальный обряд. Эти изменения могли быть обусловлены освоением технологии производства железа. Это предположение подтверждается отсутствием следов массовой миграции, а также преобладанием керамического комплекса и хозяйственной деятельности с финального периода эпохи бронзы.

Ключевые слова: финал эпохи бронзы, маклашеевская культура, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область.

Chizhevsky A. A. On the beginning of the Iron Age in the Volga-Kama region. The paper is devoted to the problem of determination of the time when the iron Age started in the Volga-Kama region. The penetration of iron artifacts into the region took place during the XIIth–IXth centuries BC, but the technology of iron founding came here from Caucasus during the second part of the IXth — VIIth centuries BC. Over this period both the material culture and burial rites underwent substantial changes, which could have been caused by the mastering of the iron production technology by the inhabitants of the region. This supposition is testified by the absence of traces of mass migrations, and by the continuity in pottery characteristics as well as economic activity since the Final Bronze Age.

Keywords: Final Bronze Age, Maklasheevka culture, Early Iron Age, Ananyino cultural-historical area.

Ананьинская культурно-историческая область (АКИО), занимающая территории, прилегающие к среднему течению Волги, и почти весь бассейн Камы, традиционно связывается с начальными этапами раннего железного века (Збруева 1952; Халиков 1977). Однако обилие бронзовых предметов в могильниках и исследование на раннем этапе археологического изучения памятников в основном восточного ареала, где преобладают изделия из бронзы, привело к тому, что в историографии XIX и начала XX вв. преобладала точка зрения о принадлежности ананьинской культуры к бронзовому веку (Алабин 1860; Лихачёв 1887: 130–131; Пономарев 1914: 1–4; Tallgren 1916; Худяков 1923: 72 сл.).

Впервые мнение о большой роли железа в жизни ананьинского общества высказал А. В. Шмидт (Шмидт 1935: 77), который пришел к этой точке зрения, анализируя публикации новых, не известных ранее могильников (Худяков 1933а: 5–12, 1933б: 15–19), содержащих наряду с бронзовыми и железные изделия.

Окончательно переход к современному пониманию датировки АКЮ временем раннего железного века произошел благодаря работам А. В. Збруевой, которая изложила свою позицию в отдельной монографии (Збруева 1952).

С середины XX в. начало раннего железного века в Волго-Камье на основании аналогий с кавказскими и степными, в основном новочеркасскими древностями (Иессен 1953: 49 сл.; Тереножкин 1976: 208) относили к VIII–VII вв. до н. э. (Збруева 1952: 23–44; Смирнов 1952: 35, 37; Халиков 1977).

В настоящее время в связи с появлением радиоуглеродных дат из погребений первого этапа ананьинской КЮ (Чижевский 2002: 33), открытием новых могильников, содержащих раннечерногоровскую конскую упряжь (Казakov 1994: 104–123) и пересмотром датировок культур первой четверти I тыс. до н. э. южных регионов России и Украины (Медведская 1992: 86–107; Дударев 1999; Махортых 2005; Вальчак 2009; и др.) время формирования ананьинской КЮ и, соответственно, начало раннего железного века в Волго-Камье относят ко второй половине IX в. до н. э. (Чижевский 2002: 30–37; Кузьминых, Чижевский 2007: 3–6).

Железные предметы проникают на территорию Волго-Камья еще в предананьинский период, в их числе есть находки из сооружений: аморфные фрагменты железных изделий из жилища № 1 Займищенской III стоянки (Калинин, Халиков 1954: 225), ножи из жилища Луговского I (рис. 1: 5–6) (Обыденнов 1986: 42) и жилища № 3 Ерзовского поселения (Денисов 1967: 42). Выявлены также фрагменты железных изделий в культурных слоях поселений финального периода эпохи бронзы: Карташихинской I и II, Займищенской II стоянок (Калинин, Халиков: 1954: 239). Все перечисленные находки железных изделий предананьинского времени связаны с разными этапами маклашеевской культуры или ее вариантами (рис. 1: 1–4, 7–13). Кроме того, известна находка железного предмета (шило?) (рис. 2: 3) из закрытого комплекса — погребение 199 Мурзихинского II могильника (рис. 2: 1–3) из раскопок автора, также связанное с маклашеевской культурой (Чижевский 2011: 41).

Таким образом, набор самых ранних железных изделий в Волго-Камье представлен мелкими орудиями (три ножа и проколкой), которые датируются временем существования маклашеевской культуры в пределах XII/XI — первой половины IX в. до н. э. (Бочкарёв 2008: 248; Кузьминых, Чижевский 2009: 32). Достоверных данных о производстве железных изделий в Волго-Камье в маклашеевское время нет, поэтому велика вероятность того, что это импортные изделия, изготовленные вне пределов региона. Учитывая, что в раннем железном веке основной вектор металлургических связей приходился на Кавказ, можно предположить, что и в финальный период эпохи бронзы также имело место кавказское направление металлургических связей. Косвенно об этом свидетельствует аналогичная волго-камской ситуация, сложившаяся в кобанской культуре в период Кобан II, когда на Кавказе в XII–XI/X вв. до н. э. железо появляется в виде мелких орудий труда (ножи и шилья) и украшений (Козенкова 1996: 93–94).

Говорить о местном производстве железа можно лишь начиная с раннего железного века. Впервые об этом упоминает А. В. Збруева, которая выявила шлаки, связанные с металлопроизводством на городищах, а также отметила значительное своеобразие по пропорциям и размерам некоторых типов ножей,

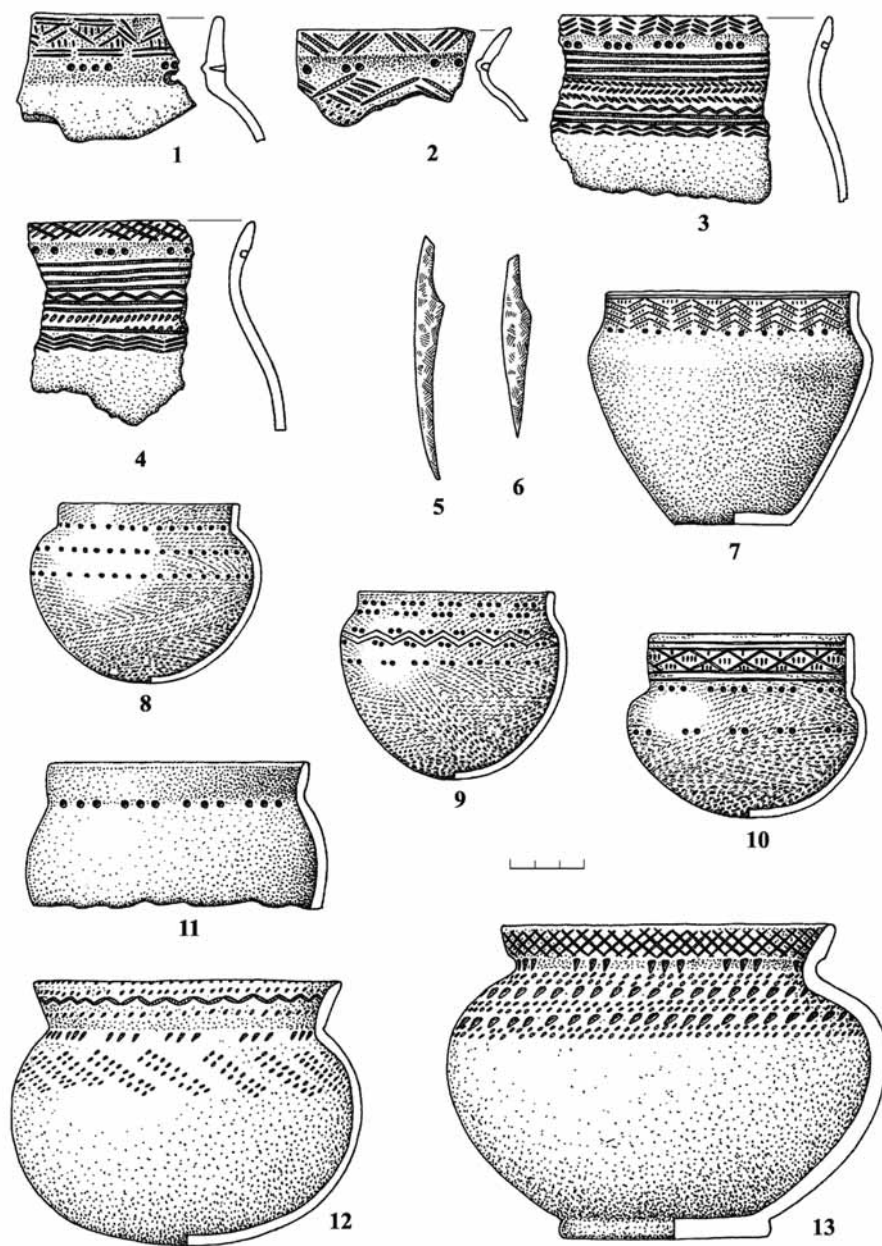


Рис. 1. Керамический комплекс (1–4, 7–13) и железные изделия (5–6) поселений финального периода эпохи бронзы Волго-Камья: 1–2, 5–6, 12–13 — Ерзовское поселение; 3–4 — Луговская I стоянка; 7–9 — Займищенская III стоянка, жилище № 1; 10–11 — Карташихинская I стоянка (1–4, 7–13 — глина; 5–6 — железо, ножи).

Fig. 1. Ceramics (1–4, 7–13) and iron artifacts (5–6) from the Final Bronze Age settlements in the Volga-Kama region: 1–2, 5–6, 12–13 — Erzovka settlement; 3–4 — Lugovskaya I site; 7–9 — Zaimitshe III site, dwelling 1; 10–11 — Kartashikha I site (1–4, 7–13 — pottery; 5–6 — iron knives).

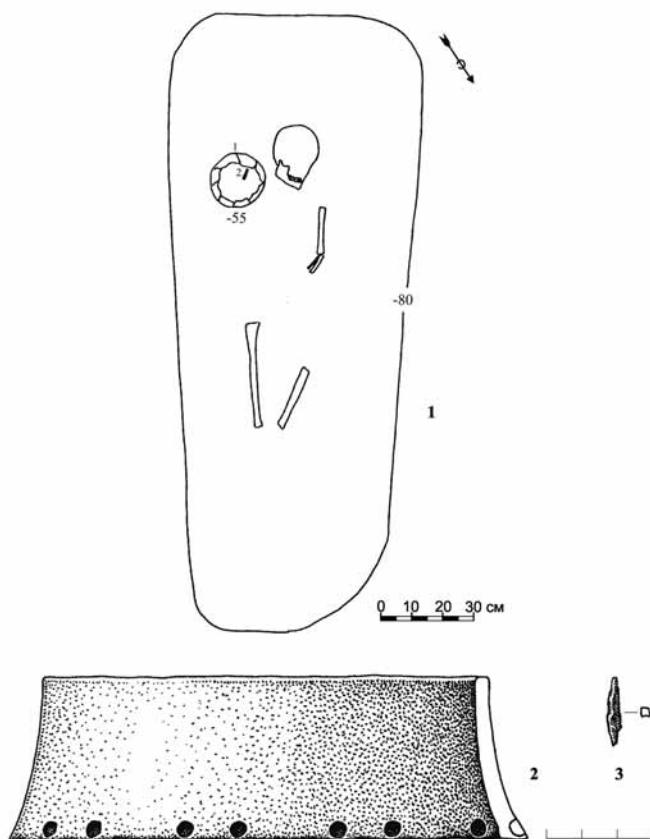


Рис. 2. Мурзихинский II могильник, погребение № 199: 1 — план; 2 — глиняный сосуд; 3 — железное шило.

Fig. 2. Murzikha II cemetery, grave 199: 1 — plan; 2 — clay vessel; 3 — iron awl.

наконечников стрел и копий, по сравнению с синхронными им степными типами, что являлось свидетельством, как она считала, их местного производства (Збруева 1952: 58).

Время появления собственно ананьинского производства железных изделий можно определить по датировке серий предметов, местное производство которых общепризнано. Здесь необходимо опираться на три группы изделий, безусловно, местного происхождения, выделенных на основании анализа конструктивной схемы Н. Н. Тереховой и Л. С. Розановой (Терехова, Розанова 2009: 198–199).

Первая группа — это тип I железных наконечников копий VIII–VI вв. до н. э. с продолжением втулки по центральной оси пера до острия (рис. 3: 1–5, 8), прототипы которых присутствуют среди ананьинских бронзовых наконечников копий (Халиков 1977: 189–192). Конструктивная схема этой группы изделий

очень сложна и трудоемка в изготовлении, так как является попыткой повторить традиционные бронзовые наконечники копий в новом металле.

Сюда же можно отнести биметаллические наконечники копий (рис. 3: 6–7, 9–10), известные в количестве четырех экземпляров (Халиков 1977; Кузьминых 1983; Бугров, Чижевский 2009: 64, рис. 10: 1) и типологически тяготеющие к железным наконечникам типа I, так как по центральной оси пера здесь присутствует имитация продолжения втулки в виде выпуклого ребра. Судя по данным спектрального анализа наконечника из погребения 314 Старшего Ахмыловского могильника, его бронзовая часть изготовлена из волго-уральских сплавов (Кузьминых 1983), что подтверждает гипотезу о местном производстве железных наконечников типа I. Датировка этой группы наконечников копий — VIII–VII вв. до н. э. (Халиков 1977: 196; Кузьминых 1983: 94).

Вторая группа — мотыгообразные орудия (пешни) с вертикальной втулкой и трапециевидным лезвием (рис. 3: 11–15). Они изготавливались по нескольким простым рецептам из железа, сырцевой стали, либо из пакета, сочетающего железо и сталь (Терехова, Розанова 2009: 199). Судя по данным А. Х. Халикова, данная группа изделий датируется в АКИО VII–V в. до н. э. (Халиков 1977: 138).

Третьей группой изделий являются местные подражания кавказским кинжалам (рис. 4), датированные по аналогиям с северокавказскими изделиями IX–VII вв. до н. э. (Козенкова 1995: 56, 58). Эти изделия относятся к кинжалам с брусковидным или валикообразным навершием, по типологии А. Х. Халикова (Халиков 1977: 163–167) или к типам К-18 и К-34, по С. В. Кузьминых (Кузьминых 1983: 128, 130–131). Технология изготовления этих предметов, как считает Б. А. Шрамко с соавторами, заметно отличается от кавказских образцов, прежде всего по способу изготовления рукояти, когда железный черенок надрубался на две части, а затем к этой основе по восковой модели приливалась бронзовая рукоять (Шрамко и др. 1977: 67). У северокавказских изделий рукояти отливались отдельно (Завьялов и др. 2009: 70). Имеющиеся различия позволили Б. А. Шрамко утверждать, что Волго-Камье являлось одним из центров производства биметаллических кинжалов киммерийского времени (Шрамко и др. 1977: 74).

Подтверждением факта местного производства кинжалов с брусковидным или валикообразным навершием является использование цветного металла волго-камского происхождения для изготовления рукоятей биметаллических кинжалов типов К-18 и К-34 (рис. 4, 1, 4), найденных в ананьинских могильниках, а также случайная находка цельнобронзового кинжала типа К-2 (рис. 4, 1) из дер. Татарское Бурнашево (Кузьминых 1983: 122, 126, табл. LIII: 1, 14) и бронзовый кинжал из Измерского VII могильника (рис. 4: 4) (Казаков 1994).

Свидетельства, приведенные выше, позволяют утверждать, что производство железных изделий началось в Волго-Камье только в раннеананьинское время — во второй половине IX–VII вв. до н. э., когда ананьинские мастера освоили производство как железных вещей оригинальных форм, так и подражающих импортным образцам.

Происхождение технологии ананьинского железопроизводства в последние десятилетия устойчиво связывается с Кавказом. В настоящее время существуют, как минимум, пять точек зрения, по-разному трактующих это явление.

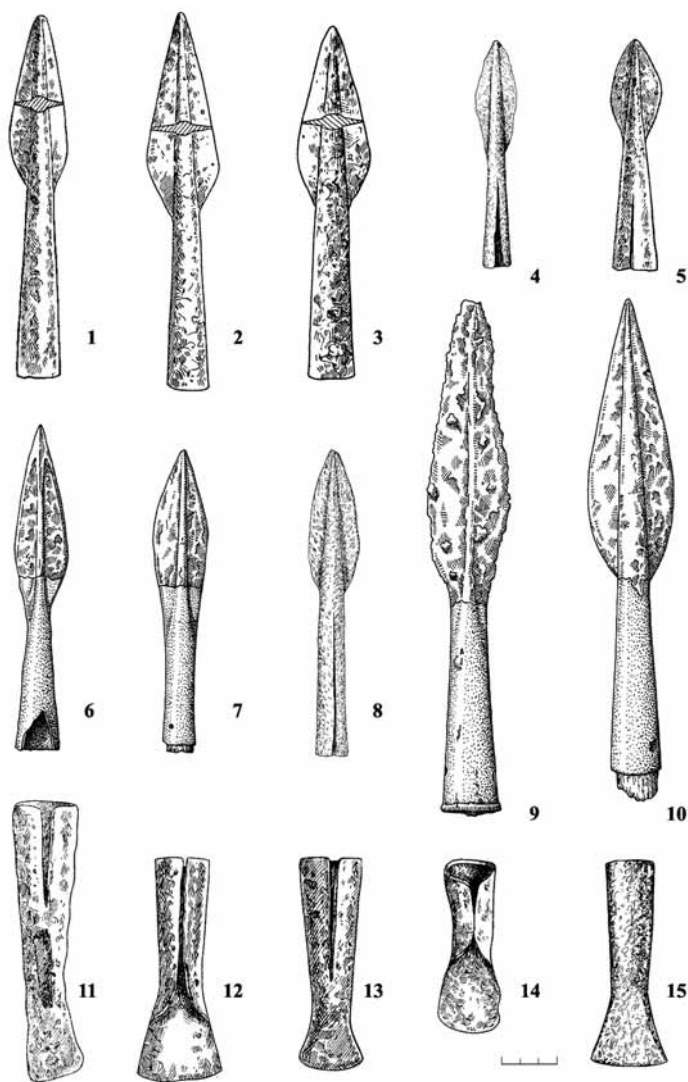


Рис. 3. Наконечники копий (1–10) и мотыгообразные орудия (11–15) ананьинской культурно-исторической области. Старший Ахмыловский могильник: 1 — погребение 295, 2 — погребение 233, 3 — погребение 186, 5 — погребение 407, 10 — погребение 314, 11 — погребение 1002, 12 — погребение 71, 13 — погребение 257, 14 — 1969, участок Ш/12. Акозинский могильник: 4 — погребение 15; 8 — участок Е/8; 15 — погребение 19. Малые Мечи: 6 — случайная находка. Морквашинский могильник: 7 — погребение 32. Мензелинский могильник: 9 — случайная находка (1–5, 8 — железные наконечники копий; 6–7, 9–10 — биметаллические наконечники копий; 11–15 — железные мотыгообразные орудия).

Fig. 3. Spear-heads (1–10) and mattock-shaped tools (11–15) of the Ananino cultural-historical area. Starshy Akhmylovo cemetery: 1 — grave 295, 2 — grave 233, 3 — grave 186, 5 — grave 407; 10 — grave 314, 11 — grave 1002, 12 — grave 71, 13 — grave 257; 14 — 1969, sector Ш/12. Akozino cemetery: 4 — grave 15, 8 — sector E/8, 15 — grave 19. Malye Mечи: 6 — occasional find. Morkvashi cemetery: 7 — grave 32. Menzelinsk cemetery: 9 — occasional find (1–5, 8 — iron spear-heads; 6–7, 9–10 — bimetallic spear-heads; 11–15 — iron mattock-shaped tools).

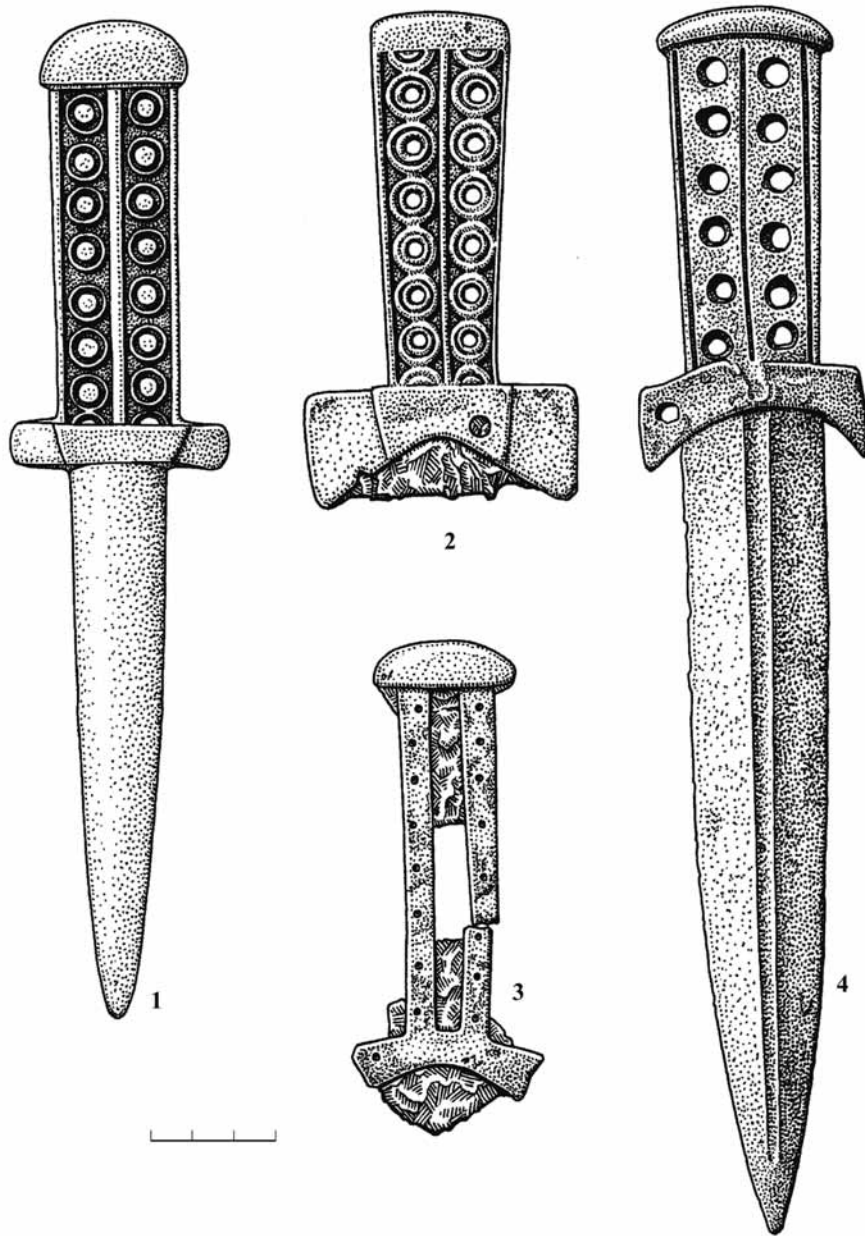


Рис. 4. Бронзовые (1, 4) и биметаллические (2–3) кинжалы ананьинской культурно-исторической области: 1 — Татарское Бурнашево, случайная находка; 2 — Старший Ахмыловский могильник, погребение 55; 3 — Мурзихинский II могильник, погребение 76; 4 — Измерский VII могильник, жертвенный комплекс.

Fig. 4. Bronze (1, 4) and bimetallurgical (2, 3) daggers of the Ananino cultural-historical area: 1 — Tatarskoye Burnashevo, occasional find; 2 — Starshy Akhmylovo cemetery, grave 55; 3 — Murzikha II cemetery, grave 76; 4 — Izmeri VII cemetery, sacral complex.

Приверженцы первой считали, что все железные предметы имеют неместное происхождение и попали в Волго-Камье в результате торгового взаимодействия (Збруева 1952; Крупнов 1960). Сторонники второй гипотезы отстаивают местное производство отдельных предметов при массовом импорте большей части изделий (Халиков 1977; Патрушев 1984). Третья гипотеза, во многом созвучная второй, допускает наряду с импортом изготовление железных изделий местными мастерами по кавказским образцам (Кузьминых 1983). Четвертая гипотеза объясняет происхождение изделий из черного металла миграционными процессами — приходом в Волго-Камье киммерийцев или «отколовшихся» скифов (Погребова, Раевский 1992; Членова 1984). Согласно пятой гипотезе, с Кавказа прибыли только ремесленники-железоделы, которые производили железные изделия уже в Волго-Камье (Терехова, Розанова 2009: 200).

В ряду этих гипотез наибольшей обоснованностью отличаются третья и пятая. На основании анализа состава металла и технологии изготовления авторы этих гипотез приходят к выводу, что и формы железных предметов АКИО, и их технологические характеристики имеют аналогии на Кавказе, однако ряд изделий сочетает местную форму и технологию, отличную от кавказской (Терехова, Розанова 2009: 200). Объединяет изделия, изготовленные по кавказской и местной технологиям, сырье — железо, содержащее незначительное количество фосфора. По мнению исследователей, это является свидетельством прихода сюда ремесленников, владеющих навыками изготовления такого металла, но нельзя исключать импорт в АКИО и готового сырья в виде полуфабрикатов стали и железа (Терехова, Розанова 2009: 200).

Последнее предположение тем более актуально, что вопрос о сырьевой базе железодельного производства АКИО далек от своего разрешения. Установлено, что в производстве использовались низкофосфористые руды типа гематита (Завьялов и др. 2009: 72), но источник их поступления в ананьинскую среду остается неизвестным. Однако, учитывая значительный процент находок железных предметов в погребениях (Чижевский 2008б; Патрушев 2011), а также наличие железных шлаков и изделий из железа на поселениях АКИО (поселение Курган, горородища Казанка I, Ройский Шихан, Свиногорское, Сорочьегорское и др.) (Збруева 1952: 229, 241, 246, 271; Старостин 1967; Чижевский 2008а: 91–98; Чижевский 2008б), местное производство орудий труда и оружия из железа представляется бесспорным.

Для более полного понимания процессов распространения железа в ананьинской среде необходимо отметить значительную неравномерность развития АКИО и разные пути ее формирования на разных территориях. Именно по этой причине лишь в первой трети XX в., почти через семьдесят лет с момента открытия, были объединены в одну культуру древности типа Ананьинского могильника и так называемые «костеносные» городища (Tallgren 1919; Худяков 1923).

Осознание этого явления привело к тому, что концепция единой ананьинской культуры, получившей свое классическое обоснование в работах А. В. Збруевой (Збруева 1952), уже к 60-м годам XX в. была оспорена. В это время стали появляться точки зрения о необходимости ее дробления на несколько независимых культур (Генинг, Савцова 1967: 51–71), а в конце XX — начале XXI в. окончательно сложилось представление об этом образовании как огромной культурно-исторической области, которая объединяет четыре археологические культуры:

акозинскую, постмаклашеевскую, ананьинскую культуру шнуровой керамики и ананьинскую культуру гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский 2009: 33–35).

Развитие железоделательного производства в археологических культурах АКЮ наглядно можно представить по соотношению изделий из цветного и черного металлов, содержащихся в погребениях. Для анализа привлекались данные по орудиям труда и оружию — категориям, в которых с равной степенью вероятности могли использоваться разные материалы. Украшения из этого анализа были исключены, так как изготавливались исключительно из цветных металлов. Прделанный сравнительный анализ показал, что в постмаклашеевской культуре соотношение железных изделий и изделий, изготовленных из иных материалов, составляет 71 %; в акозинской культуре — 66 %; в ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики — 50 % и в ананьинской культуре шнуровой керамики — 33 %. Таким образом, большая часть культур АКЮ демонстрирует преобладание железа над бронзой (или равную с ним пропорцию) в изготовлении орудий труда и оружия уже во второй четверти I тыс. до н. э., что соответствует третьей стадии освоения железа по Э. Снодграсс (Snodgrass 1980: 337–338).

Если принять за 100 % все железные изделия, выявленные в погребениях АКЮ, то ситуация выглядит следующим образом: в постмаклашеевской культуре фиксируется 32,3 % железных изделий; в акозинской культуре — 30 %; в ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики — 22,7 %; в ананьинской культуре шнуровой керамики — 15 %. Эти цифры подтверждают большую неравномерность в развитии южных «лесостепных» (акозинской и постмаклашеевской) и северных «таежных» (ананьинской шнуровой и ананьинской гребенчато-шнуровой) культур ананьинского мира. Таким образом, если на юге АКЮ (граница леса и степи) железо использовалось повсеместно, то на севере (в лесной таежной зоне) бронза продолжала употребляться весьма интенсивно.

Наиболее полно переход от бронзового века к железному прослежен на основе постмаклашеевской культуры, так как именно здесь наряду с поселениями изучены и могильники переходного времени: Березовогривский II, Измерский VII, Мурзихинский II, Тетюшский, Полянский II (Чижевский 2008б: 119–126).

Погребения раннего железного века довольно легко отделяются от финально-бронзовых, иногда они располагаются непосредственно над более ранними погребениями, например, известны случаи, когда ряд постмаклашеевских погребений располагался над рядом маклашеевских погребений (Мурзихинский II могильник). Часто более поздние погребения совершались очень точно в пределах могильного пятна более раннего погребения, последнее может свидетельствовать о небольшом промежутке времени, их разделяющем. В этом случае поздние погребения совершались тогда, когда могильная насыпь или другие признаки совершения погребения были видны еще очень отчетливо. Исходя из этого обстоятельства, можно четко проследить изменения погребального обряда и состава сопровождающего инвентаря.

Первый фактор — изменение ориентировки на 180 градусов (по сторонам света или относительно реки). На тех могильниках, где погребенные в финальном периоде бронзового века лежали головой к реке, в раннем железном веке они располагаются к реке ногами. Возможны и другие ориентировки, так как

ориентация скелетов на некрополях АКИО очень индивидуальна и может сильно отличаться даже на близко расположенных друг от друга могильниках.

Вторым фактором является изменение материальной культуры (рис. 5). Так, вместо кельтов с трапециевидной фаской и двумя ушками, опущенными ниже края втулки (рис. 5: 6), а также кельтов с лобным ушком (рис. 5: 5) (Чижевский 2008б: рис. 4: 10, 22) появляются безушковые кельты ананьинского типа (рис. 5: 7–8) с овальным сечением втулки треугольной, трапециевидной и арковидной фасками (Кузьминых, Чижевский 2007: 3–6). Вместе с тем, А. Х. Халиков и С. В. Кузьминых писали о преемственности в развитии финальнобронзовых кельтов и наиболее ранних линзовидных ананьинских кельтов, отмечая, что последние являются производными от кельтов с лобным ушком маклашевской культуры (Халиков 1977; Кузьминых 1983).

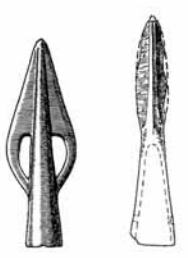
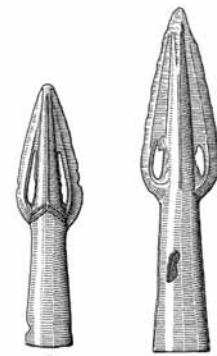

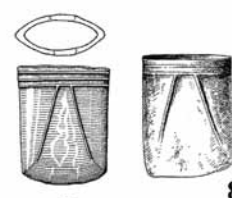


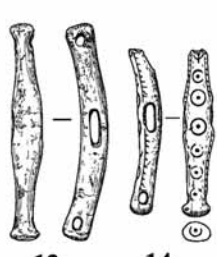
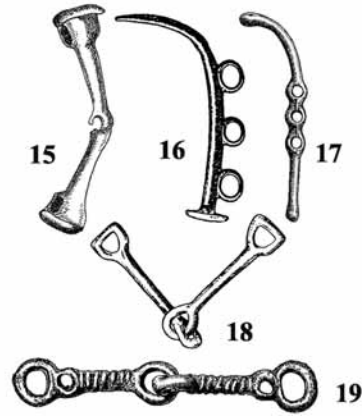
Подобная ситуация сложилась и с наконечниками копий из бронзы: место укороченных наконечников копий без прорезей (рис. 5: 2) и наконечников с широкими прорезями пера (рис. 5: 1), аналогичных белозерским (Аптекарев, Козенкова 1986: 129, рис. 1: 1), занимают наконечники копий ананьинского типа (рис. 5: 3–4) с узкими прорезями пера (тип КД-28) (Кузьминых 1983: 96). Однако и здесь преемственность между ними неоспорима.

Бронзовые двулезвийные черешковые ножи (тип Н-18 по Е. Н. Черных) с параллельными лезвиями белозерского (широчанского) типа (рис. 5: 9–10) (Черных 1976: 117; Бочкарёв 2008: 248; Чижевский 2008: 12–23, рис. 4: 11) исчезают в раннем железном веке. Некоторое время отдельные двулезвийные бронзовые ножи (5 экземпляров) еще сосуществуют с железными (Кузьминых 1983: 150), но традиция их изготовления прерывается, и их место занимают железные однолезвийные ножи (рис. 5: 11–12) — в настоящее время известно более 400 экземпляров ножей подобного типа.

Спорадически встречаются однолезвийные ножи из бронзы (17 экземпляров) и железные ножи с бронзовыми рукоятями (4 экземпляра) (Халиков 1977: 142–151; Кузьминых 1983: 147–151). Они известны по материалам могильников и поселений, а также по случайным находкам. Судя по всему, эти ножи не имеют местных истоков, так как ближайшие аналогии данным изделиям находятся на Кавказе, в Центральной Европе, Алтае и других регионах (Кузьминых 1983: 147–151; Махортых 1997: 4–13).

На смену стержневым трехдырчатым псалиям из рога с разновеликими отверстиями суботовско-усатовского типа (рис. 5: 13–14) (Чижевский 2002: 36) или типа Бамут и Усатово, по С. Б. Вальчаку (Вальчак 2009: 55, 57) в конце IX в. до н. э. приходят раннечерногоровские бронзовые трехдырчатые псалии второго варианта типа Сержень-Юрт (рис. 5: 15) (Вальчак 2009: 81, 93, табл. 9), а в VIII в. до н. э. появляется упряжь предскифского типа (рис. 5: 16–19) (Чижевский 2002: 33). К этому же времени относится появление в постмаклашевской культуре серий железных орудий и оружия.

Заметно изменяется и керамика (рис. 6). В погребениях финального периода бронзового века фиксируется посуда с высокой цилиндрической шейкой, резким переходом к плечу и раздутым туловом. А в захоронениях начала раннего железного века прослеживается тенденция к понижению высоты шейки и увеличению ее отогнутости, исчезает резкий переход к плечу, последнее становится менее выпуклым. Меняется орнаментация и ее размещение. Если

	ФИНАЛ БРОНЗОВОГО ВЕКА	РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ	 <p>1 2</p>	 <p>3 4</p>
КЕЛЬТЫ	 <p>5 6</p>	 <p>7 8</p>
НОЖИ	 <p>9 10</p>	 <p>11 12</p>
КОНСКАЯ УПРЯЖЬ	 <p>13 14</p>	 <p>15 16 17 18 19</p>

на маклашеевских сосудах орнамент, в основном, ямочный, сгруппирован по две-три ямки и украшал только шейки сосудов (рис. 6: 1–7), то на постмаклашеевских — ямочные отпечатки образуют сплошные пояски, появляются простые виды шнуровой орнаментации в виде сдвоенных и строенных линий, а сам орнамент с шейки начинает опускаться ниже, на тулово сосуда (рис. 6: 8–15). Изменения керамических традиций прослежены также на материалах поселений: поселение Курган, городища Гремячий Ключ, Казанка I, Троицко-Урайское I и Черепашье (Марков 2007: 15–43).

В самом начале раннего железного века в регионе возникают укрепленные поселения — городища. Исключением здесь является Казанка II, отнесенная А. Х. Халиковым к финалу бронзового века (Халиков 1980: 108–109, № 137). Городища, как и остальные изменившиеся элементы культуры, являются признаком раннего железного века Волго-Камья.

Изменения, происходящие в материальной культуре, и, соответственно, трансформацию археологических культур обычно объясняют изменившимися климатическими условиями (Таиров 2003). Такая ситуация, возможно, была и здесь, так как переход от бронзового века к раннему железному в Волго-Камье сопровождается потеплением и повышением влажности (Бакин 2009: табл. 2).

Однако некоторые факты все же свидетельствуют не в пользу данной версии. Так предшествующий период похолодания (Алешинская и др. 2009: 128–148) вызвал тенденцию к переносу поселений с низких вторых надпойменных террас на высокие третьи надпойменные террасы (Чижевский 2008с: 93–112). Потепление климата в начале раннего железного века не вызвало возврата к старому размещению поселений и не оказало значительного влияния на изменение хозяйственной деятельности (Петренко 2007: 67–81; Чижевский 2010: 25–30), а ведь именно изменение хозяйства влечет за собой изменение материальной культуры. Нельзя отрицать также влияния железа на изменение формы многих орудий труда и оружия, что и произошло в ряде случаев в АКЮ.

Трудно объяснить природными факторами и возникновение городищ. Их появление обычно связывают с усилением военной угрозы. Но археологических проявлений внешней угрозы (прежде всего, кочевнической), выражающихся в появлении в могильниках переходного времени погибших и травмированных «степным» оружием, не выявлено. Отсутствуют также следы пожаров

Рис. 5. Изменения основных категорий материальной культуры Волго-Камья от финального периода эпохи бронзы до начала раннего железного века. Мурзихинский II могильник: 1 — погребение 227; 2 — погребение 105; 5 — погребение 228; 6 — погребение 183; 9 — погребение 227; 13–14 — погребение 173; 19 — погребение 153. Мурзихинский I могильник: 3–4 — случайная находка; 7 — случайная находка; 16 — погребение 5; 17 — погребение 7. Морквашинский могильник: 8 — погребение 14. Полянский II могильник: 10 — погребение 10. Старший Ахмыловский могильник: 11, 18 — погребение 383. Луговской могильник: 12 — погребение 82. Измерский VII могильник: 15 — погребение 10 (1–10, 15–19 — бронза; 11 — железо; 12 — железо и рог; 13–14 — рог).

Fig. 5. Changes in the main categories of material culture since from the Final Bronze Age through the Early Iron Age. Murzikha II cemetery: 1 — grave 227, spear-head; 2 — grave 105, spear-head; 5 — grave 228, celt; 6 — grave 183, celt; 9 — grave 227, knife; 13–14 — grave 173, check-pieces; 19 — grave 153, horse-bits. Murzikha I cemetery: 3–4 — occasional finds, spear-heads; 7 — occasional find, celt; 16 — grave 5, check-piece; 17 — grave 7, check-piece. Morkvashi cemetery: 8 — grave 14, celt. Polyanka II cemetery: 10 — grave 10, knife. Starshy Akhmylovo cemetery: 11, 18 — grave 383, knife and horse-bits. Lugovoye cemetery: 12 — grave 82, knife. Izmeri VII cemetery: 15 — grave 10, check-pieces (1–10, 15–19 — bronze; 11 — iron; 12 — iron and horn; 13–14 — horn).

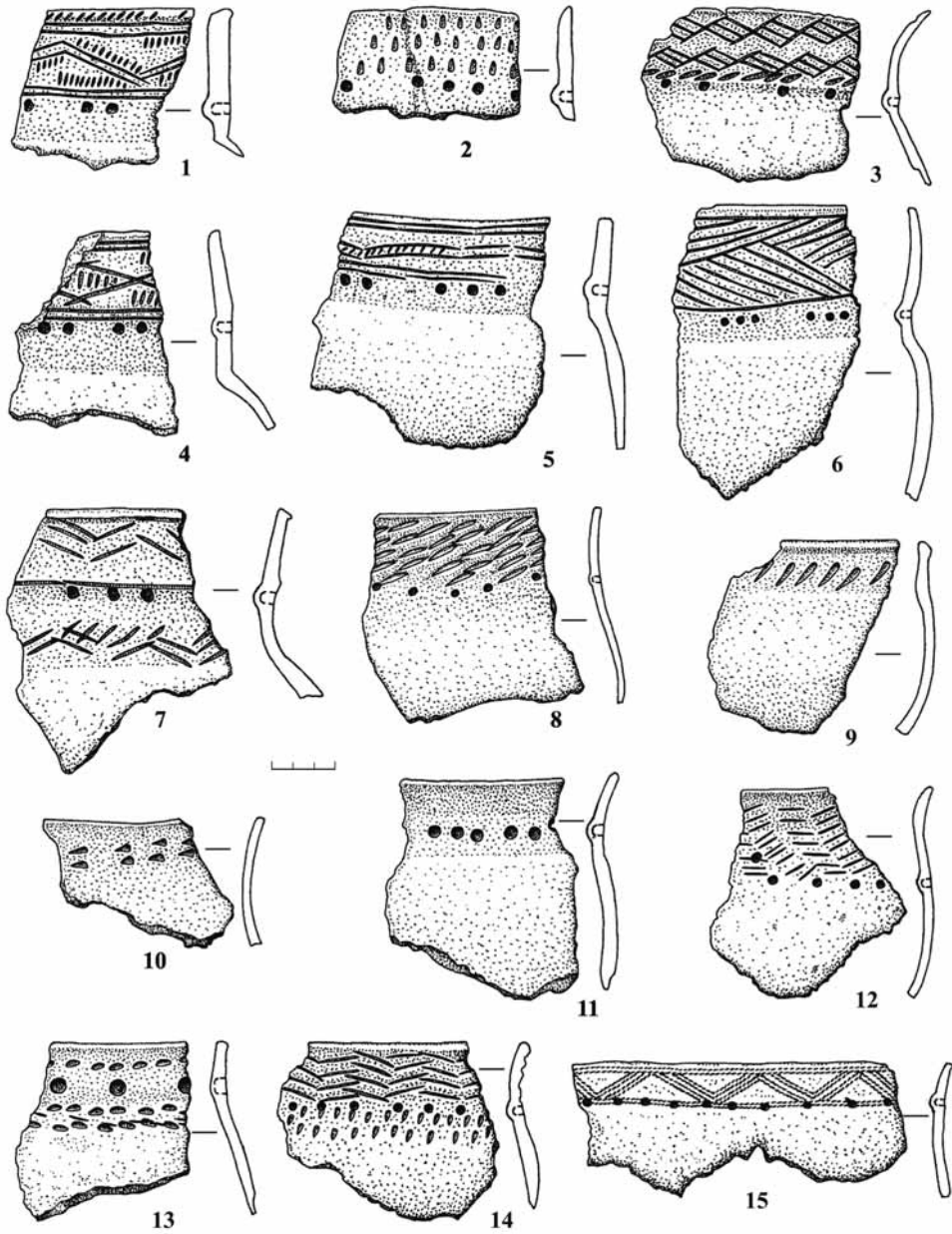


Рис. 6. Керамика маклашеевской (1–7) и постмаклашеевской (8–15) культур: 1, 4–5 — Дубовогривская II стоянка; 2–3, 7 — Казанская стоянка; 6, 8, 11, 13 — поселение Курган; 9–10 — Сорочьегорское городище; 12, 14 — городище Казанка I.

Fig. 6. Pottery of the Maklasheevka (1–7) and post-Maklasheevka (8–15) cultures: 1, 4–5 — Dubovaya Griva II site; 2, 3, 7 — Kazan site; 6, 8, 11, 13 — Kurgan settlement; 9, 10 — Sorotchy Gory hillfort; 12, 14 — Kazanka I hillfort.

и разрушений на поселениях начала раннего железного века. Остается предположить, что в Волго-Камье в этот период усиливаются противоречия в самой АКИО. Одной из причин этого явления стало появление железа, насытившего металлом районы, ранее испытывавшие его нехватку. Не случайно количество погребений с инвентарем, по сравнению с маклашеевским временем, увеличивается в раннем железном веке на 30 % (Чижевский 2008б: 48).

Обилие металла в свою очередь способствовало увеличению вооруженности и агрессивности местного населения. Наиболее показательно это явление можно проследить на примере погребального инвентаря: количество погребений, содержащих оружие, возрастает с 4 % (в финале бронзового века) до 40 % (в раннем железном веке) (Чижевский 2008б: 17, 48). Не случайно, по всей вероятности, увеличивается и количество коллективных погребений на постмаклашеевских некрополях — более чем в два раза (Чижевский 2008б: 15, 47).

Изменения комплекса материальной культуры и погребального обряда происходят в Волго-Камье очень быстро, вероятно, в течение одного-двух поколений. При отсутствии следов массовой миграции инोकультурного населения данное явление трудно объяснить иными причинами, нежели распространение черного металла. Надо отметить, что сам факт появления первых образцов железных изделий в XII/XI — первой половине IX в. до н. э. не оказал заметного воздействия на материальную культуру предананьинской культурно-исторической общности. Лишь распространение технологии производства железа в IX–VII вв. до н. э. повлекло за собой изменение предшествующей материальной культуры населения и формирование нового набора культурных стереотипов ананьинской культурно-исторической области уже раннего железного века.

Литература

- Алабин П. В. 1860. Ананьинский могильник // Вестник Русского географического общества XXIX (6), 87–120.
- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Мельников Л. В., Петренко А. Г., Спиридонова Е. А., Хисьяметдинова А. А., Чижевский А. А. 2009. Влияние климатических и ландшафтных условий на хозяйственную деятельность обитателей Гулюковской III стоянки в позднем бронзовом веке // Галимова М. Ш. (ред.). Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности. Казань: Фэн, 128–148.
- Аптекарев А. З., Козенкова В. И. 1986. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА 3, 121–135.
- Бакин О. В. 2009. Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене // Кузьминых С. В., Чижевский А. А. (ред.). У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга: Институт истории АН Республики Татарстан, 159–168.
- Бочкарев В. С. 2008. Знаменская находка // Археология восточно-европейской степи 6, 245–252.
- Бугров Д. Г., Чижевский А. А. 2009. Мензелинский могильник // Бугров Д. Г. (ред.). Древняя и Средневековая Археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П. Н. Старостина. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 61–80.
- Вальчак С. Б. 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус.

- Генинг В. Ф., Савцова Н. И.* 1967. О западно-сибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗПГУ 148, 51–71.
- Денисов В. П.* 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗПГУ 148, 29–50.
- Дударев С. Л.* 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н. э.) Армавир: Международная академия информатизации.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. К проблеме этнокультурного взаимодействия. М.: Знак.
- Збруева А. В.* 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: Изд-во АН СССР (МИА 30).
- Иессен А. А.* 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА XIII, 49–110.
- Казаков Е. П.* 1994. Измерский VII могильник // Старостин П. Н. (ред.). Памятники древней истории Волго-Камья. Казань: АН Татарстана, 104–123.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* 1954. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции 1. М.: Изд-во АН СССР, 157–246 (МИА 42).
- Козенкова В. И.* 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология), западный вариант. М.: Наука (САИ В2-5).
- Козенкова В. И.* 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М.: ИА РАН; Ленон-ЛТД.
- Крупнов Е. И.* 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР.
- Кузьминых С. В.* 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука.
- Кузьминых С. В., Чижевский А. А.* 2007. О Владимире Николаевиче Маркове и его книге // Марков В. Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 3–6.
- Кузьминых С. В., Чижевский А. А.* 2009. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // Кузьминых С. В., Чижевский А. А. (ред.). У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга: Институт истории АН Республики Татарстан, 29–55.
- Лихачёв А. Ф.* 1887. Следы бронзового века в Казанской губернии // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. II. Ярославль, 17–168.
- Марков В. Н.* 2007. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань: Институт истории АН Республики Татарстан.
- Махортых С. В.* 1997. Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н. э. // Материалы и исследования по археологии России 1, 4–13.
- Махортых С. В.* 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях.
- Медведская И. Н.* 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА 3, 86–107.
- Обыденнов М. Ф.* 1986. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та.
- Патрушев В. С.* 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.

- Патрушев В. С.* 2011. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. Казань: Фолиант.
- Петренко А. Г.* 2007. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С.* 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.: Наука.
- Пономарев П. А.* 1914. По следам первобытных звероловов Камско-Вятского края: (Результаты летних экскурсий 1912 г.) // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете 290, 1–12.
- Старостин П. Н.* 1967. Жилища поселения «Курган» // УЗПГУ 148, 110–115.
- Таиров А. Д.* 2003. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э. Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей.
- Тереножкин А. И.* 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова Думка.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С.* 2009. Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий) // Кузьминых С. В., Чижевский А. А. (ред.). У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга: Институт истории АН Республики Татарстан, 196–203.
- Халиков А. Х.* 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII–VI вв. до н. э. М.: Наука.
- Халиков А. Х.* 1980. Приказанская культура. М.: Наука (САИ В1-24).
- Худяков М. Г.* 1923. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань, 72–126.
- Худяков М. Г.* 1933а. Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л.: ГАИМК, 5–12.
- Худяков М. Г.* 1933б. Ныргиндинские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л.: ГАИМК, 15–19.
- Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА 1, 57–74.
- Черных Е. Н.* 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука.
- Чижевский А. А.* 2002. Е. А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Казаков Е. П. (ред.). Вопросы историко-культурного наследия Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 30–37.
- Чижевский А. А.* 2008а. Исследования Сорочьегорского городища в 2007 г. // Уфимский археологический вестник 8, 91–98.
- Чижевский А. А.* 2008б. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань: Школа.
- Чижевский А. А.* 2008с. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II — начала I тыс. до н. э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана 3, 93–112.
- Чижевский А. А.* 2010. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник 2, 25–30.
- Чижевский А. А.* 2011. Начало раннего железного века в Волго-Камье // Алёшин В. А., Бочкарёв В. С. (ред.). Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. СПб.: ИИМК РАН; ГЭ, 41–46.

- Членова Н. Л.* 1988. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА 194, 3–11.
- Шмидт А. В.* 1935. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Известия ГАИМК 106, 13–96.
- Tallgren A. M.* 1916. Collection Zaoussailov au Musée Historique de Finlande, a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsinki: Commissio des Collections Antell.
- Snodgrass A. M.* 1980. Iron and early metallurgy in Mediterranean // *Wertime T. A., Mulhy J. D. (eds.). The Coming of the Age of Iron.* New Haven; London: Yale University Press, 335–374.